

Муртазали Дугричилов

Узденъ

Муртазали Дугричилов (С) 2009

К 150-летию БИТВЫ НА ГУНИБЕ

От автора:

Прошло полтора столетия после события, так и не определившего трагическую судьбу Кавказа. И все эти годы квасные патриоты преподносят данный исторический факт как пленение имама Дагестана и Чечни, «певцы джихада», ставшие, в конце концов, дворовыми бардами князьков, называют поступок легендарного имама предательством, а горе-историки тиражируют бесчисленные варианты завещания имама, пытаясь обосновать этими фальшивками лозунги о добровольном вхождении Кавказа в Россию.

Сдавался ли в плен имам Шамиль?

Событие, случившееся на Гунибе в последние дни августа 1859 года, историки и писатели дружно называют «пленением» Шамиля, его добровольной сдачей в «плен». Однако, читая некоторые неопубликованные, либо малоизвестные документы, не востребованные по сей день, задаешься вопросом: а было ли это пленением? Как известно, имам никогда не уклонялся от переговоров с царским командованием во имя мира на Кавказе. Соглашение о временных перемириях Шамиль всегда неукоснительно соблюдал, тогда как российская сторона неоднократно его нарушала. Начало этому было положено еще в 1839 году, когда, после битвы при Ахульго русский генерал Пулло предложил имаму перемирие, и в качестве залога потребовал его старшего сына Джамалудина. Джамалудин долгие годы жил в Петербурге, окончил Пажеский корпус, его воспитанием занимался лично император Николай I. Между тем война на Кавказе продолжалась еще много-много лет, а окончательное «мирное соглашение», названное впоследствии царскими историками «пленением Шамиля», «покорением Кавказа», было достигнуто только тогда, когда мир на Кавказе стал крайне необходимым прежде всего для самой России. Однако, условия и этого перемирия так же, как и все предыдущие, были впоследствии нарушены, и сопротивление горцев Кавказа уже под руководством двух других имамов продолжалось вплоть до двадцатого столетия.

ПИСЬМО КАНЦЛЕРА ГОРЧАКОВА ГЕН.-АДЪЮТ. БАРЯТИНСКОМУ “ О ЗНАЧЕНИИ МИРА НА КАВКАЗЕ ”

26 июля 1859 года.

Дорогой князь!

Шамиль имеет своего агента в Константинополе. Агент этот явился к кн.Лобанову, выразил ему желание своего доверителя вступить в переговоры и спросил, входит ли в виды императорского правительства соглашение с Шамилем и на каких условиях.

Е.и.в. приказал мне телеграфировать Лобанову, что он может выдать агенту Шамиля пропуск в Тифлис, и что Вы имеете столь широкие полномочия от нашего августейшего монарха, что можете сами войти с агентом в соглашение. Лобанов уведомит, конечно, Вас непосредственно о последствиях этого обстоятельства.

Политический горизонт, дорогой князь, далеко не ясен. Свидание в Виллафранке может привести к новым комбинациям, исход которых пока никому предвидеть нельзя. Весьма возможно, что цюрихские переговоры будут иметь последствием конгресс, или Европейскую конференцию, которая займется разрешением весьма важных вопросов, касающихся всеобщего равновесия и взаимных отношений великих держав.

Если бы Вы дали нам мир на Кавказе, Россия приобрела бы сразу одним этим обстоятельством в десять раз больше веса в совещаниях Европы, достигнув этого без жертв кровию и деньгами. Во всех отношениях момент этот чрезвычайно важен для нас, дорогой князь. Никто не призван

оказать России большую услугу, как та, которая представляется теперь Вам. История открывает Вам одну из лучших страниц. Да вдохновит Вас бог!

(Рукописный Фонд Института Истории Языка и литературы Дагестанского Научного Центра РАН, д. 1250, лл. 14-15. Копия).

Такое перемирие, или «пленение» Шамиля могло состояться еще в 1837 году, когда в окрестностях аула Гимры имам встретился с австрийским дворянином на русской службе генералом Клюки фон Клюгенау. Генерал уговаривал имама воспользоваться приездом в Закавказье Николая I и отправиться в Тифлис для встречи с императором. В официальной инструкции Клюки фон Клюгенау излагал следующие гарантии: «Император возвеличит его (Шамиля), окажет ему почет, сделает управляющим делами всех дагестанских мусульман». То есть, Шамилю не предлагалось добровольно сдаться в плен, либо капитулировать. Эти обещания зафиксировал в своей «Хронике» биограф Шамиля Мухаммад-Тахир аль-Карахи.

Во время той встречи Шамиль попросил дать ему время для обсуждения этого вопроса со своими советниками. Генерал согласился, но когда они протянули друг другу руки, исход этих переговоров решило вмешательство наиба Ахвердил Магомы, который схватил Шамиля за руку и со словами: «Не подобает имаму правоверных подавать руку кяфиру» встрял между главными переговорщиками. Разгневанный Клюки фон Клюгенау замахнулся было костью на Ахвердил Магому, тот, в свою очередь выхватил кинжал. В это время Шамиль, высвободив свою руку, сам схватил своего наиба за запястье, а другой рукой поймал генеральский костьль, и потребовал: «Уведите от нас этого проклятого человека». Адьютант Клюки фон Клюгенау штабс-капитан Евдокимов оттащил его за полу сюртука. После этого инцидента Шамиль не пожелал «сдаться в плен»: через пару дней Клюки фон Клюгенау получил окончательный отказ Шамиля поехать в Тифлис на встречу с императором. Основной его довод: неверие в русские гарантии.

Оснований для недоверия у Шамиля было предостаточно. Не раз и не два вероломно нарушались все предыдущие соглашения. Часто эти нарушения провоцировались владетельными князьями и ханами, находившимися под протекторатом России.

К примеру, за год до этой встречи Шамиль писал генералу Клюки фон Клюгенау:

«Вашему превосходительству известно о мире, заключенном мною в прошлых годах. Желая упрочить оный сколько возможно более, я тогда выдал в аманаты ближайшего моего родственника – двоюродного брата; потом по искреннему желанию спокойствия укротил грабежи и разбои, производимые горцами в покорных российскому правительству владениях, и немало возвратил русским находившихся в горах пленных солдат.

Сим надеялся я приобрести для меня прочное спокойствие, но вскоре за сим злонамеренные люди беспрестанно говорили бывшему шамхалу, будто бы намерения мои неискренни, противу правительства, и что совершенного спокойствия в горах не будет прежде, как по совершении истребления меня. Беззаконники просили шамхала дозволить им поднять противу меня оружие. Шахал позволял и я пять раз подвергался их нападению.

(...)Теперь я вновь заключил мир, уже лучше прежнего. Я отдал в залог прочности оною сына моей родной сестры в аманаты Мирзе Мамед-хану Казикумухскому. Ныне противу условий мира сего вновь рождается вероломство: таким же образом как и прежде опять хотят моего уничтожения. Русские с места заключения мира вновь пришли в подвластные мне деревни, уже, конечно не для спокойствия горцев.

(Датировано по дате получения, не позднее 23 июля 1836 года ЦГВИА, ф.205, оп.1, д.87, лл. 1-2. Перевод с арабского.).

Подвластными себе Шамиль называет деревни, население которых приняло шариат и присягнуло ему. Шамиль не раз заявлял, что его деятельность, его борьба направлена, прежде всего, на установление законов Ислама, на защиту интересов мусульман и устранение всего, что воспрепятствует этому. В том числе и – рабства, которое составляло основу шамхальств, княжеств и ханств. Писем, в которых Шамиль ищет приемлемого для обеих сторон мира, много, но почти всегда царское командование, выражавшее поначалу внешнюю готовность, отвечало имаму действиями, идущими вразрез с оговоренными предварительными условиями. Царскую администрацию и местных владетельных князей не устраивал не только мир с Шамилем, к которому тысячами стекались и горцы, и русские солдаты, и сосланные за участие в восстании против России поляки, их не устраивал растущий авторитет имама, не устраивали провозглашенные им ценности.

Впрочем, были представители русского командования, искренне желавшие мира.

В 1854 году тогдашний Наместник Кавказа и главнокомандующий Отдельным кавказским корпусом Николай Николаевич недоумевал, почему нельзя покончить с Кавказской войной или, по крайней мере, приостановить ее, начав переговоры с Шамилем и предложив ему условия, не ущемляющие его достоинства? - пишет в своей книге [«Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана»](#) профессор Тель-Авивского Университета Моше Гаммер, - «действовать тут следует со всей осторожностью: для этого сначала надо бы наладить с Шамилем добрые отношения, которые в подходящий момент станут трамплином для более серьезного разговора».

Необходимость такого «серьезного разговора» возникла пять лет спустя, когда перед Россией неожиданно раскрылась перспектива «получить в десять раз больше веса в совещаниях Европы», если бы на Кавказе был установлен мир, о чем и просит канцлер Горчаков Барятинского. Вот как описывает это событие его очевидец Абдурахман Казикумухский:

«...Шамиль получил известие, что полковник Лазарев, нынешний правитель Центрального Дагестана и Даниял-бек Елисейский прибыли к имаму вместе с другими почетными лицами, ожидая под стеной представителя, который стал бы говорить с ними относительно ПЕРЕМИРИЯ и СОЮЗА с русскими (выделено мною – М.Д.), с тем, чтобы оно было наиболее выгодным в том, что касалось прошлого и будущего. Шамиль послал к ним своего сына Гази-Мухаммеда вместе с несколькими юристами (...) Я был тогда вместе с ними, Гази-Мухаммед и полковник Лазарев встретились под стеной укрепления и переговаривались относительно упомянутого дела. После этой затянувшейся беседы, во время которой мы стояли около них, они разошлись по своим местам и сообщили имаму об итогах перемирия. Шамиль ответил им, что перемирие между ними состоится, при условии, что ему будет предоставлена возможность совершить хадж вместе с семьей и соратниками-асхабами. А если им будет отказано в этом намерении, то между ними не может быть ничего иного, кроме войны».

(Абдурахман Казикумухский. «Взятие Гуниба». Впервые опубликовано в журнале «Наш Дагестан», №194-195, 2000 г. Перевод с арабского Н.А.Шихсаидовой).

Далее Абдурахман Казикумухский вспоминает, что дерзкий ответ имама рассердил Барятинского. Однако, России важно было показать другим державам, что мир на Кавказе достигнут, а царю польстить тем, что имам пленен и Кавказ покорен, и недоумение было быстро утрясено. Шамилю обещали не только возможность совершить хадж, но и аудиенцию Императора. «Имам, подлинно, ты не расквесишься в том, что прибыл к наместнику, а затем – к императору», - заявил Шамилю некий Мирза Худат, которого полковник Лазарев представил в качестве секретаря барона генерала Врангеля.

«Когда мы попали к месту пребывания наместника, нас отстранили от имама всех, кроме Юнуса. Затем мы вернулись в село, оставив там имама, вошли в сельскую мечеть, где нашли Гази-Мухаммеда. Он спросил нас: «Где вы его оставили?» Мы ответили ему: «Мы

были отстранены от него, и нас не пустили к нему. Мы не знаем, что с ним». Гази-Мухаммед собрался было нарушить перемирие. Он думал, что потерял имама навсегда, и уже больше не увидит его. Ибрагим, сын его дяди Батырхана ал-Гимрави, успокоил Гази-Мухаммеда: «Не разжигай огня раздора, который был погашен полностью с большим трудом. Не навлекай неприятностей на своего отца и на оставшихся из своей семьи».

(Там же).

Гази-Мухаммед тогда внял совету. Но 18 лет спустя он снова разжег «огонь раздора», подготавливая в Стамбуле всеобщее восстание горцев Чечни и Дагестана, хотя на стене церкви «Спаса на крови» в Санкт-Петербурге царская администрация уже поспешила вывесить мемориальную запись:

«1859 и 1864

ПОКОРЕНИЕ КАВКАЗА

ВЗЯТИЕ ГУНИБА И ПЛЕНЕНИЕ ШАМИЛЯ

25 АВГУСТА 1859 ГОДА

ОКОНЧАНИЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

25 МАЯ 1864 ГОДА

А пока... Пока Шамиль сидит в карете и тайком сверяет по компасу направление, все еще не веря, что путь лежит в Петербург - на встречу с императором, полагая, что его везут в Сибирь, либо - на Соловецкие острова, как везли закованным нестигаемого и непримиримого шейха Мансура.

«Специально для Шамиля и его семьи в начале лета 1859 года проездом через Москву Барятинский заказал одному из лучших мастеров дорожный экипаж, и этот экипаж стоял в Темир-Хан-Шуре в ожидании для сопровождения имама в Петербург».

Из воспоминаний Арнольда Зиссермана.

ПРОЛОГ

Сардаром подаренной шубой согретый,
Тайком выверяя по компасу путь,
Имам в позолоченной русской карете
Которое утро не может уснуть.
Ландшафт неизбывный в каретном оконце
Мелькает как скучный, навязчивый сон.
Чужая земля...
Незнакомое солнце...
«Кем был и кем стал я? –

Шамиль удручен, –

В горах, неприступен, как сами вершины,
Был их воплощеньем, живым острием,
А среди бескрайней, как небо, равнины –
Пожизненный пленник простора ее.
Прощайте, нагорья, я вашей свободы
Не спас, хоть и выстроил храбрых в ряды,

Но в сердце моем на сочтенные годы,
 Остались рубцы – это ваши хребты.
 Прощай, мой народ, пусть никто не тревожит
 Отныне тебя, поднимая с колен.
 Я воле твоей подчиняюсь! Быть может,
 Стяжанье свободы – погибель и плен!»

I. БАРЯТИНСКИЙ

«О переговорах с Шамилем опять поднят был вопрос и в Петербурге, но совершенно невпопад. Еще 23-го июля, посол наш в Константинополе князь Лобанов-Ростовский телеграфировал князю Горчакову, что какой-то поверенный Шамиля, присланный просить помощи у Султана, обратился к послу с вопросом: не будет ли согласно наше правительство на примирение с Имамом и на каких условиях? - что означенный горец желает получить пропускной вид чрез Тифлис, для доставления Шамилю ответа. На эту телеграмму, из Петербурга дан ответ князю Лобанову, по Величайшему повелению, что он может выдать Шамилеву агенту пропуск в Тифлис и что Наместник Кавказский облечен достаточными полномочиями, чтобы прямо вступить в переговоры с Шамилем. Обо всем этом сообщено Наместнику не только князем Горчаковым и Сухозанетом (от 26 и 29 июля), но и в собственноручном письме самого Государя (от 28 числа), причем высказывалось, что "примирение с Шамилем было бы самым блестящим завершением оказанных уже князем Барятинским великих заслуг". В письме Канцлера указывалось и на тогдашние политические обстоятельства: по выражению князя Горчакова, восстановление мира на Кавказе, без пролития крови и без траты денег, удесятерило бы вес России в Европейской политике. Письма эти очень озадачили князя Барятинского...»

Из воспоминаний Дмитрия Милютина.

День обещает обернуться датой,
 И, в штабе репетируя её,
 Грядущего творец и соглядатай,
 Барятинский взволнованно встаёт:
 « – Нас не было, когда снимали пенки,
 Без нас поделен был эдем земной,
 Достались нам калмыки да эвенки
 С песками их и вечной мерзлотой!
 Империей зовемся, а в короне
 Нет драгоценных, райских островов.
 Мы не храним величье, но хороним,
 Нет дел громадных – больше громких слов.
 Речами славу мы не приумножим
 И не подменим мудрого труда.
 Кавказ, и тот прибрать к рукам не можем
 Уж два столетья.

Стыдно, господа!

Но мир когда-то должен измениться, –
 Час близок. И, судьбу благодаря
 За шанс счастливый, к тезоименитству
 Я расстелю у ног государя
 Сей злополучный край в оправе наших
 Границ, живым доставлю Шамиля.
 На этот раз поступим мы иначе, –

Сочтемся не лукавя, не юля:
Погибший, он запомнится народу
В пример ему – святошею с венцом,
А посему дадим ему свободу,
Поможем сохранить свое лицо.
Пусть видит это племя шамилёво, –
Засим обезоружен будет враг,
А наше снисхожденье, право слово,
Не навредит империи никак.
Да и с французишками, у которых
Бревном в глазу торчит Абд аль-Кадир,
Закончим надоедливые споры,
Когда Кавказу мы объявим мир.
Подробности я изложу в приказе».
Барятинский глядел поверх голов.
Он не сказал, что с миром на Кавказе
Его торопит канцлер Горчаков.

II. ШАМИЛЬ

«Князь Барятинский, лично приняв горских дипломатов, подтвердил им прежнее свое обещание. Они возвратились в Гуниб; но за тем прошел весь день без всякого ответа от Шамиля. По-видимому он колебался в своем решении; привычное недоверие взяло верх, вероятно, под влиянием окружающих его фанатиков и наиболее ожесточенных злодеев, не смевших верить обещанному прощению. 22-го числа, утром, по приказанию Главнокомандующего, отправлено с полковником Алиханом письмо от меня, на арабском языке: в нем категорически подтверждалось требование Сардаря, чтобы дан был без промедления решительный ответ и назначен крайний срок».

Из воспоминаний Дмитрия Милютина.

Бог даровал своим рабам свободу.
За нами выбор – воля, или рай.
Вот почему взываем мы к народу:
«Вставай!»

Мы гибнем не за место в райских куцах,
Наш голый рай – свобода наших скал.
Её, как благодать, на эти кручи
Господь миров обоих ниспослал.

Мы кличем к бою и, готовясь к пиру,
Голодный гриф клекочет с высоты...
Но сказано в Коране: «Если к миру
Они склонятся, то склонись и ты».¹
А если нет – тверды рука и слово,
И оба правых лезвия меча

¹ Коран. Сура 8 «Добыча», аят 61: اَلْعٰلِمِ۟ۤ السَّمِ۟ۤیْعِ۟ هُوَ اِلٰهٌۢ عَلَی۟نَا ۗ عَلَی۟نَا ۗ کُلٌّۢ لِّیَقَالُوۡۤا نَحْنُۤا لِسُلٰتِۡنَا ۗ نَحْنُۤا وَاٰۤیٰتِۡنَا ۗ اِنۡۢ اِیۡۤتٰیۡنَا ۗ

Отточены. Раз не дано иного,
То об ином не станем и мечтать».

III. БАРЯТИНСКИЙ И ГОРШЕЛЬТ

Барятинский позировал Горшельту
В косматой горской бурке на плече,
Отвлек посыльный (принесло же, шельму!)
Толмач поднес послание к свече.
« – Простите, мэтр, отложим ненадолго!» –
Барятинский взволнован и суров.
О многом говорила недомолвка.
Этюд к картине был почти готов
(Наместник не скупился – за картину
Был немцу выдан золотом аванс:
« – В прошениях не стесняйтесь – не отрину.
Творите, мэтр, я опекаю Вас»).

И, ерзая в протертом, жарком кресле,
Читал фельдмаршал дерзость Шамиля:
«Я мира не прошу у Вас, но если
К нему вы склонны, то склонюсь и я.
А если нет, отвечу, как и прежде:
Отточен меч наш и тверда рука!
Мы строим наши помыслы в надежде
На Господа – никак не на врага...»
...Законченной картины в Петербурге
Ждет Государь. Триумф – не за горой!
« – Продолжим, мэтр!» –

Наместник в горской бурке

Истории позирует самой.

IV. ШАМИЛЬ И ЮНУС

«Вернувшись, Юнус принес известие о том, что русские хотят, чтобы имам прибыл к наместнику для устных переговоров с ним и чтобы он сообщил наместнику о своем положении и пожеланиях».

Из воспоминаний Абдурахман Казикумухского.

« – Ждут мира, вечным пламенем объаты,
Отечество и сердце. Посему
Врагу поверим вновь, и в аманаты
На этот раз я сам пойду к нему,
Опять поверив на слово, но слово
Последнее – за мной. А если к нам
Старуха-Ложь стучится в платье новом,
Да разве я – последний ваш имам!
Придет другой, и будет все, как прежде.
Я стар, что остается старикам?!
Юнус, пойдешь со мною. Вся надежда

На твой кинжал...»

« – На мой кинжал, имам?!»
 « – Жди знака, чтоб спасти от униженья
 И честь мою, и прожитую жизнь;
 Вздохну я грудью – в это же мгновение
 Бей в сердце мне, Юнус, не промахнись!
 Не обережены мы от подвоха,
 Случись ему – не дай упасть мне ниц
 Живым.

Итак, запомни: после вздоха
 Бей в сердце мне, Юнус, не промахнись...»²

V. ШАМИЛЬ И АЛИХАН

«В 1843 году Имам Шамиль расквартировал в ауле Инхо отряд мюридов. Среди них был отец будущих знаменитых царских офицеров генерала Максуда и полковника Кайтмаза Алихановых – Алихан. Жизнерадостный и решительный Алихан стал заглядываться на аульских женицин. Одной из них он сделал предложение, но ее отец отказался выдавать дочь за выходца из чужого аула. Алихан не отступал, и родители девушки послали жалобу имаму. Алихан знал это и был начеку. Однажды он встретил гонца, который нес из Ведено в Инхо письмо имама наибу Койсубулинского участка Худанату. После разговора с неосведомленным гонцом и расспросов, Алихан вызвался доставить письмо наибу. Гонец согласился. Алихан не очень хорошо знал арабский, но разобрать в письме свое имя и слово «наказание» он смог. Алихан решил бежать. Он знал, что русские охотно встречают перебежчиков со стороны имама.

...Август 1859 года. Алихан, к тому времени уже полковник русской армии, находится среди осаждающих Гуниб. Начинаются переговоры. Изъяснявшийся по-аварски полковник Лазарев вместе с несколькими горцами, состоявшими на русской службе, время от времени в красном флаге в руках навещает лагерь противника. Имам в смятении. В очередной раз он потребовал прислать к нему полковника Алихана. Лазарев согласился. Вскоре он вернулся вместе с Алиханом, и имам попросил Лазарева оставить их наедине».

Из воспоминаний Нур-Мухаммада Араканского.

« – Скажи мне, Алихан, по дружбе старой, –
 Когда-то ты мюридом был моим, –
 А что за благодушие перед сварой?
 Я, или мир со мной нужнее им?»

Глядит в глаза Иمامу виновато
 Полковник – где былая спесь да стать?!
 « – Одно могу сказать, Шамиль: солдатам
 Приказано тебя не убивать.
 О том, как ты спешил скорей погибнуть,
 Чем принимать условия врагов,
 Мы вспоминали, подходя к Гунибу –

² Здесь я домысливаю роль, отведенную имамом Юнусу Чиркейскому. Домысел мой противоречит воспоминаниям биографов Шамиля, утверждавших, что имам собирался заколоть себя кинжалом в случае обмана. Возможно, имам так и заявлял, но я усомнился в том, что, будучи строгим ревнителем религиозных норм, он решился бы на порицаемый исламом суицид.

Мы помним и Гимры, и Ахульго!
 А посему чванливого злословья
 Сардар себе позволить и не мог.
 На этот раз сардар твои условия
 Принять готов. Похоже, для него
 Важнее мир, чем легкая победа –
 Они устали от своих удач!
 Хочу еще секрет тебе поведать:
 Как ни гадай, Шамиль, как ни судачь –
 Ждет в Темир-Хан-Шуре тебя карета,
 А в Петербурге – белый падишах.
 Пожалуй, всё. Другого нет ответа.
 Что будет дальше – знает лишь Аллах»!

«Иди, – Шамиль поднялся, – мы не вправе
 Мир отвергать! Ты так и доложи...»
 И Алихан поторопился вставить:
 «Шамиль, позволь мне камень снять с души...»
 Шамиль плечами молча пожимает,
 Кивает, под ноги себе смотря,
 И, свернутую в трубку, извлекает
 Бумагу Алихан

из газыря.

« – Твой приговор, Имам!..

Сказать по правде,

Ты был несправедлив ко мне, и я
 Письмо твое украл спасенья ради.
 Вот мы сошлись! И Бог нам Судия!
 Он отменил твой приговор.

Я это

Письмо шестнадцать лет ношу с собой»!
 Шамиль с кривой усмешкою ответил:
 « – Подвел тогда тебя арабский твой.
 Я здесь пишу: «достоин наказания,
 тот, кто преступит».

Если ты был прав,

Пришел бы уж ко мне для оправданья!
 Но ты бежал к врагам, полы задрал.
 Что – письма мои? Они сотрутся!
 А если бы ты мог читать Коран,
 Беспутство и невежество и трусость
 Тебя бы не сломили, Алихан!
 Они тебя к измене подтолкнули.
 Себя ты раньше предал, чем меня.
 Не шашки, Алихан, страшись, не пули –
 Страшись потустороннего огня!

...У крепостной стены в канун исхода
Мы встретились, сближает нас она –
Ничто так не разделит, как свобода,
И так ничто не сблизит, как стена».

VI. ГАЗИ-МУХАММЕД И ШАМИЛЬ

«Князь постарался остановить бойню, опасаясь, что Шамиль может стать ее жертвой. Он понимал, что героическая гибель сделала бы вакантным занимаемое им место вождя горцев. Нужно было любой ценой избежать того, что произошло, когда Кази Мулла, первый имам Дагестана, был убит при взятии Гимры в 1832 год и немедленно замещен еще более грозным преемником».

Из воспоминаний посла Франции в России герцога Монтебелло.

Шамиль – верхом...
Разглядывает сбрую...
А за последних несколько шагов
Подумалось:
«Вернусь! Пускай штурмуют,
Как там, в Гимрах! И там – на Ахульго!»

И вспомнилось, как перед рукопашной
Его учитель Гази-Мухаммед
В пылающей навзрыд Гимринской башне
Загадывал судьбу на много лет;
Звал в бой из осажденной цитадели
Мюридов растерявшихся имам,
Но те безмолвно в сторону глядели,
Немые ружья бросив по углам:

« – Спасенья ждете вы, или пощады,
Попрятавшись, как барсуки – в нору?
Ваш газават закончен без награды,
Мой – кончится не раньше, чем умру!
А ты, Шамиль, один готовься к бою,
Не опоздай – недолго слава ждет:
Ты выпрыгнешь отсюда вслед за мною,
И будет долгим-долгим твой полет».

Имам в сердцах швырнул подальше шашку,
Знак личного достоинства – кинжал
Из цепких ножен вырвал наотмашку,
Шамиль ту шашку налету поймал.

...И вот лежит, исколотый штыками,
У ног гяуров Гази-Мухаммед.
И к небесам
застывшими руками

Взывает он.

Кинжал его – воздет,
Как будто им зовет он за собою:
«Поторопись, пока распахнут рай!
Теперь я вижу, что готов ты к бою
Последнему,
взлетай, Шамиль, взлетай!»

И он взлетел –

чугунному орудью
Тот зов не удавалось заглушить!
Летит Шамиль, штыки ломая грудью,
И будет долго-долго он парить,
И будет повторяться эта драма,
Покуда продолжается полет!
И сына в честь погибшего имама
Он Гази-Мухаммедом назовет –
Судьбу его как не продолжить в сыне?
Пусть в нем воскреснет дух имама вновь
И пусть передается он отныне –
Другим. Из плоти в плоть, из крови в кровь.³

И вспомнилось еще ему дорогой:

Штурм Ахульго...
Паденье Ахульго...
« – Сдавайся!» –
« – Нет! Я верю в милость Бога –
Не верю в милосердие врагов!»

Погоня!

И, спасая тех, кто выжил,
Шамиль решил отстать от них тайком.
Не прячься от солдат, идет все выше,
А сын к спине привязан башлыком...
«Не честь я проиграл, а только битву.
А честь – она дороже всех побед, –
Идет Шамиль, шепча свою молитву, –
О, мой имам, мой Гази-Мухаммед,
На этот раз спасти тебя сумею!»
И тот, кто так тепло к спине прирос,

³ Первый имам Дагестана Гази-Мухаммед погиб в бою в окрестностях аула Гимры 17 октября 1832 года во время осады башни, в которой он заперся с 15 мюридами, среди которых был и Шамиль. В том бою было ранено 439 и убит 41 русский солдат. Погибли и все мюриды, кроме Шамиля. Он был тяжело ранен, долго залечивал раны и чудом остался жив. Вторым после Гази-Мухаммеда имамом был избран Гамзат-бек.

Отчаянно схватив отца за шею,
Как ангел, через пропасть перенес. ⁴
...За ним внизу остался склон покатый,
Поросший скользким, вековечным мхом;
Перекрестились, замерли солдаты:
« – Орел, ей-богу! Где нам – за орлом!
Тебя, поди, и пуля не достанет,
Да кто ж в орла-то метит? Бог с тобой!...»
Летит Шамиль,
Грохочет в Дагестане
Гроза над поднебесною тропой!
Как зов свободы,
 неумолчный рокот
Койсу
 гремит в кромешной глубине,
И эту быль нашептывает громко
С тех пор одна волна – другой волне.

VII. БАРЯТИНСКИЙ И ШАМИЛЬ

«Внешность Шамиля мне чрезвычайно понравилась, его почтенная наружность, его благородные черты, его изящные, хотя и не совсем смелые манеры покорили меня теперь в высочайшей степени и произвели на меня сильное впечатление. Теперь я понял, почему его особа внушает к себе фанатическую преданность, в особенности народа, у которого внешнее так высоко ценится. В его чертах, в его выразительных глазах видна меланхолия — может быть, сознание нравственной бедноты его народа и безнадёжности всех усилий поставить его на высокую ступень или упрочить его независимость, которую этот народ ни оценить, ни сохранить не сумеет».

Из воспоминаний Теодора Горшельта.

Уже облюбавал орел двуглавый
Чужое древко – кончен перелет!
В тени – Его Сиятельство, а слава
Сама сейчас с вершин к нему сойдет...

« – Шамиль, а погляди на эти глыбы,
Они не стоят крови и огня!»

« – Перебежали к вам мои наибы,
Народы отвернулись от меня,
И если им под вами будет проше,

⁴ Прыжок Шамиля через пропасть – исторически подтвержденный факт. Трёхкратный чемпион Европы по прыжкам в длину, в свое время установивший несколько мировых рекордов, первым из европейских прыгунов преодолевший восьмиметровый барьер Игорь Тер-Ованесян утверждает, что он эквивалентен мировому рекорду, если учитывать то обстоятельство, что берег, с которого Шамиль прыгал с малолетним сыном за спиной, был расположен ниже берега, на который он приземлился, и то, что разбежался Шамиль в гору (об этом в конце шестидесятых знаменитый спортсмен говорил в интервью газете «Советский спорт» и другим изданиям). Расстояние между берегами – больше пяти метров.

Считайте, что войну я проиграл...»

На том и разошлись в Гунибской роще
Простой уздень и знатный генерал.

...Горшельт переживает эту драму, –
Ликующей оравую тесним,
Он молча почесть воздает имаму,
Снимая с чувством шапку перед ним.
Горшельт пленен! И он такому плену
Не предпочтет сомнительных побед, –
Таким и будет после вписан в сцену
Где подпись быть должна – автопортрет.⁵

VIII. БАРЯТИНСКИЙ И ПОЛКОВОЙ ХОР

«Приведу одну забавную анекдотическую подробность, характеризующую князя Барятинского. На пути нашем, еще на Гунибе, после первого обмена мыслей и впечатлений, вдруг обращается он ко мне:

- Знаете ли, Дмитрий Алексеевич, о чем думал я теперь? Я вообразил себе, как со временем, лет через 50, через 100, будет представляться, что произошло сегодня; какой это богатый сюжет для исторического романа, для драмы, даже для оперы! Нас всех выведут на сцену, в блестящих костюмах; я буду, конечно, главным героем пьесы - первый тенор, в латах, в золотой каске с красным плюмажем; Вы будете моим наперсником, вторым тенором, Шамиль - basso profundo; позади его неотлучно три верные мюрида - баритоны, а Юнус, это будет buffo cantante (оперный шут) и так далее».

Из воспоминаний Дмитрия Милютина.⁶

Хор:

– Фанфарами грохочут бури-натиски,
Настала долгожданная пора!
Эгей! Смирись, Кавказ, пришёл Барятинский,
Ура!
Ура!
Ура!

Барятинский:

« – Хребет Кавказский сломан. Неприятельский
Оплот – в руинах. Сдался нам Шамиль!»

⁵ В своем живописном полотне «Переговоры Наместника на Кавказе князя Барятинского с имамом Шамилем» Теодор Горшельт изобразил себя с непокрытой головой.

⁶ В августе 1909 года газета «Кавказ» сообщит: «Через Темир-Хан-Шуру в Гуниб на празднование 50-летия пленения Шамиля со свитой проехал наместник императора на Кавказе. Во время имитаций взятия Гуниба, сорвавшись со скал, погибли пять человек».

Хор:

« – Сам генерал-фельдмаршал князь Барятинский
Сюда пришел, увидел, победил!
Росли, росли могилы наши братские
Еще одной кавказскою горой,
А генерал-фельдмаршал, князь Барятинский
Пришел, как избавитель и герой!»

ЭПИЛОГ

Потом, изливаясь чернилом и потом,
Разломленный наскоро мир сей худой
Монаршею милостью, пленом почетным
Назвать поспешит летописарь штабной.

Но если бывает почетным плененье,
Тогда и победы постыдные есть!
И вот народилось, возшло поколенье
Честящих такую никчемную честь.

Россия, Россия, сироты свободы
В таком же почетном плену у тебя!
...Бегут в безысходность бесславные годы,
Все глубже в былое меня торопя.

Пытаюсь, забывшись в погоне нескорой,
Вступив, как Ахилл – с черепахою в спор,
Взойти на запятки кареты, в которой
Шамиль покоряет российский простор.

*10 - 22 июня 2008 г.
16 апреля - 2 мая 2009 г.
Прага.*

ПРИЛОЖЕНИЯ:

СТИХИ, ПРОЧИТАННЫЕ ШАМИЛЕМ НА ГУНИБЕ

1

*Тяжелые ночи, подобно обвалу, пути перекрыли назад,
И стрелы в нас мечет бесстрастное время, а стрелки не знают преград.*

*Никто не помилован этой эпохой – себе лишь судьба и верна!
Зачем обреченные пастыри века покорно пошли под заклад?*

*Кто жаждал ночами – того напоили. И были до самых краев
Наполнены чаши весов правосудья – кто знает, в какой из них яд?!*

*И были нещадно побиты побеги взошедших упрямых надежд,
Когда о дожде мы молили, но свинцовый обрушился град.*

*И жизни вконец надоело ютиться, как морю, в своих берегах, -
Песчаные крепости наши сметая, она нас теснила назад.*

*Мохнатое небо хохочет над нами, трясется, оскалив клыки
Расшатанных молний, из недр изрыгая своих за раскатом раскат.*

*Наветом разрушены духа твердыни, и вот над руинами их
Мерцает, мечами врага отраженный, слепой поминальный закат.*

2

*Крепче звеньев кольчуги казались наибы мне в бранные дни.
Да! Но только врага защищали они - я в друзьях не ошибся.*

*Словно стрелы в колчане, держал я их бережно в сердце своем,
И теперь они там - ядовитым сидят острием. Я в друзьях не ошибся.*

*Каждый клялся, что чист предо мной. Да! Душою никто не кривил:
Их стремления, мысли и чувства от дружбы чисты - я в друзьях не ошибся.*

Перевод с арабского.

ЖЕРТВАМ КАБАРДИНСКОГО ПОЛКА

«В одном из сел в окрестностях Хасавюрта у разрушенной печи обнаружена мемориальная плита, отлитая в память солдат 80-го Кабардинского пехотного полка, погибших в боях с горцами Кавказа с 1839 по 1860 годы. Плита висела на одной из стен города до 1919 года, когда он был разрушен гражданской войной».

Из газет.

*Возликовал во время битвы
Пехотный Кабардинский полк,
Когда Шамиль, шепча молитвы,
К Бяратинскому подошел.*

*И, если думать непредвзято,
Умом в Историю войдя, -
Тот шаг, позорный для солдата,
Был беспримерным для вождя.*

*Ведь много легче ставить точку
Вождю на собственном виске,
Чем за народ свой в одиночку
Держать ответ нависоке.*

И, шагом этим восхищенный,

В Гунибской роще генерал
Сказал, когда имам смущенный,
Но не повергнутый, предстал:

«И как тебя, Шамиль, осудишь!
Ты – враг, но ты и государь,
А посему пленён не будешь.
Как возмутитель и бунтарь...»

Считал Барятинский потери,
Знамен победных штопал шёлк
Восьмидесятый поредевший
Пехотный Кабардинский полк.

А чтоб о тех не забывали,
Чей век отмерила война,
Был дан приказ: отлить в металле
Солдат погибших имена.

Но, дань платя бесстрастной Лете,
И эту почесть вычтет рок,
Когда в другом уже столетьи
Вновь запыляет городок:

Плита под грохот и сполохи
С гвоздей державы сорвалась,
Зеркальным оттиском эпохи
Она впечатывалась в грязь.

Грех растоптать свою святыню,
Топтать чужую – грех другой;
Чтоб не осталось вас в помине,
Сбивая буквы по одной,

В металл бесстрастной, частой дробью
Глухая конница стучит.
И никого не покоробит
Чужой святыни жалкий вид.

... Не из почтения в робкой спешке,
Найдя тяжелой славы знак,
Установил в домашней печке
Плиту расчетливый простак.

Гудит чугуны. Трещат поленья
И излучает список свет, -

Скорей не слава - искупленье
Былых бессмысленных побед.

Клинки и пули отсвистели,
Остыла не одна война,
И столько лет кормили, грели
Кого-то ваши имена.